

Р

РУССКИЙ
СБОРНИК XXXII

Дмитрий Суржик

В. Н. БАРЫШНИКОВ. МАННЕРГЕЙМ
И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ.

М. : Кучково поле, 2021. 384 с.

(Реальная политика)

Институт внешнеполитических исследований и инициатив совместно с издательством «Кучково поле» выпустили книгу известного отечественного исследователя В. Н. Барышникова о роли Карла Маннергейма на отношения Финляндии и советского государства, начиная с 1917 г.

Вышедшая книга даёт ответы на острые вопросы общественной дискуссии, которая развернулась в наши годы вокруг личности финского маршала. За последнее время российская публика и даже историки слышали о Карле Маннергейме самое разное: «выдающийся русский генерал» Первой мировой войны, который всегда любил и, как мог, «спасал» Петербург/Петроград/Ленинград от гитлеровцев — такой «свой среди чужих» на финский манер. Другие аплодируют его «победе» в финской гражданской войне, где он, якобы, спас свою страну от кровавого террора. Много появилось с 1991 г. мифов о финском бароне, но в этой переводной (большей частью) литературе нет главного: нет истории политики Маннергейма по отношению к нашей стране.

Этот вакуум теперь заполнен фундированным и очень многогранным исследованием Владимира Николаевича Барышникова под названием «Маннергейм и Советский Союз».

Автор — заведующий кафедрой истории Нового и Новейшего времени Института истории Санкт-Петербургского государ-

ственного университета профессор, доктор исторических наук, занимается изучением роли Финляндии во Второй мировой войне с середины 1980-х годов.

Понять истоки мифов и изучить, что же на самом деле представлял Маннергейм в каждом из эпизодов своей деятельности и постарался Владимир Барышников. Его книга состоит из четырёх глав, которые рассматривают влияние личности маршала-барона на четыре ключевых аспекта финско-советских отношений: гражданские войны в двух странах, накануне и в начале Второй мировой войны, Маннергейм в военном союзе с Гитлером против СССР и закат политической карьеры Маннергейма-президента.

Написанная живым языком на высоком уровне научности, книга имеет мощную источниковую базу, включающую в себя материалы восьми российских и финских архивов, широкий пласт мемуарной и исследовательской литературы, вышедшей с 1930-х годов и до наших дней на русском, финском и английском языках. Это позволяет автору проследить эволюцию личности Маннергейма, его «многоликость» по отношению к собственным убеждениям, его влияние на основные вехи двусторонних финско-советских отношений, оборонной и внешней политики в целом. При этом сильной стороной книги является изучение внутрифинских политических мотивов принятия того или иного решения.

Исследование В. Н. Барышникова охватывает хронологический период с 1917 по 1947 г.: от Октябрьской революции в России до Хельсинского судебного процесса над военными преступниками, втянувшими Финляндию во Вторую мировую войну. Эта важнейшая часть политической биографии Карла Маннергейма, как с удивлением отмечал автор труда, до сих пор оставалась неисследованной. Теперь же этот аспект изучен многогранно и фундировано.

В своём вступительном слове соиздатель монографии, глава Института внешнеполитических исследований и инициатив В. Ю. Крашенинникова расставляет акценты в анализе «многоликого» отношения финского барона-маршала к его политическим ценностям, первой родине (Российской империи), «любимому городу» Санкт-Петербургу и Советскому Союзу. Соиздатель отдельно отмечает тёплые личные отношения Маннергейма и Гитлера. Совместное военное планирование маршала и фюрера, и политика Финляндии на захваченных территориях дало достаточно оснований Следственному комитету РФ для возбуждения в апре-

ле 2020 года уголовного дела о признании финского оккупационного режима в Карелии геноцидом, каким был гитлеровский геноцид на европейской территории СССР.

Монография объективно раскрывает роль Маннергейма в важнейших событиях, и эта роль чаще всего отличалась от той, какой её живописуют поклонники маршала. Проведя анализ карьерного продвижения и наград финского барона в период его службы в царской армии, Владимир Барышников делает аргументированный вывод: «Генерал-лейтенант Маннергейм, хотя и продвигался по служебной лестнице, но в ряд выдающихся российских полководцев не встал. В этом отношении его трудно считать «героем России»» (с. 13).

Далее Владимир Барышников исследует основные мифы о жизни Карла Маннергейма и его влияние на советское государство в тесной связи с внутри- и внешнеполитическими факторами. Изложив основные события финской гражданской войны, автор делает акцент на личной ответственности Маннергейма за «белый террор», прослеживает оценку этих репрессий советским руководством и сделанные выводы. Размах насилия победителей был ужасающим и вызвал шок далеко за пределами Суоми. Так, если в боевых действиях погибло около 8,5 тысяч финнов, то в результате «белого террора» — 27 тысяч человек (см. с. 55). Это было невиданным доселе в Финляндии массовым убийством всех «подозрительных». Британские газеты даже задались вопросом, есть ли место для такого кровавого режима в Лиге Наций.

К событиям в Финляндии внимательно присматривались и в Советской России, где гражданское противостояние ещё не переросло в «горячую фазу». Но в крупнейших городах уже действовало антисоветское подполье, а в Петрограде его даже возглавлял финский консул К. Ю. Грёнроос. Сформированная его организацией «Особая Петроградская рота» даже имела задачу оказывать «содействие финским войскам в случае, если война будет продолжаться, вплоть до захвата Петрограда». Этот новый для отечественной историографии факт наряду с кровавым подавлением «красных» в Финляндии, объясняет решение большевиков об ужесточении методов борьбы как реакцию на «белый террор» Маннергейма.

Другой важный аспект, деятельность Карла Маннергейма на посту председателя Совета обороны Финляндии — одна

из основных проблем, пристально изученных В. Н. Барышниковым. В его труде можно чётко, как по календарю, проследить курс на сближение с нацистским рейхом, который Маннергейм, уже маршал, проводил на посту главного финского военачальника. Наряду с финско-эстонским военно-морским взаимодействием это создавало потенциальный очаг напряжённости вблизи Ленинграда и вызвало активизацию советской дипломатии на северо-западном направлении. Логику советского руководства в беседе с главой компартии Литвы раскрыл первый замнаркома НКВД СССР В. Н. Меркулов: «Сталин рассматривает балтийские государства как трамплин, который нужен немецким стратегам для прорыва на Ленинград, захвата этого города, соединения с финнами... Если в балтийских государствах будут даже дружественные нам правительства, то в тот день, когда сложится невыгодная для нас обстановка в Европе, немцы при помощи своей «пятой колонны» организуют в этих странах восстания и с помощью диверсантов и какой-то части местных вооружённых сил нападут на базы Красной Армии, блокируют или уничтожат их и через 48 часов будут стоять под Ленинградом...»¹. События осени 1941 г. только подтвердили правоту этих слов.

Однако миссия Б. А. Рыбкина, предлагавшая финнам выгодный территориальный обмен в обмен на (среди прочего) военно-морскую базу ВМФ на полуострове Ханко, так и не была услышана². А вскоре после завершения переговоров отношения между двумя странами перешли в стадию «зимней войны», во время которой прибалтийские посланники в Москве нередко выполняли разведывательные задачи в финско-нацистских интересах³.

Отношение Маннергейма к Советскому Союзу и Ленинграду наглядно демонстрируют символы, связанные с маршалом. Это «скрещённые мечи» — герб Западной Карелии, широко распро-

¹ Цит. по: Вынужденный альянс. Советско-балтийские отношения и международный кризис, 1939–1940 гг.: Сборник документов / Сост. Н. Н. Кабанов (отв. сост.), А. Р. Дюков, В. В. Симиндей. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2019. (Прибалтийские исследования в России. Вып. 5). С. 38.

² См.: История российской внешней разведки: Очерки: в 6 т. / Гл. ред. Е. М. Примаков. М.: Международные отношения, 2014. Т. III. 1933–1941 годы. С. 302–315; Дерябин Ю. С. «Вторая линия» в посольстве СССР // Независимое военное обозрение, 30.10.2009.

³ См., напр.: Вынужденный альянс... С. 74, 101, 168, 208, 223, 237–240.

странившийся в финских военных наградах, учреждённых при Маннергейме. Он представляет собой лавровый венок с занесёнными для удара друг по другу мечами: слева — прямым, «европейским» и справа — изогнутым, «азиатским». Воинственное восприятие Советского Союза Маннергеймом станет даже более очевидным, если учесть, что ещё одним обязательным элементом финских орденов при нем стала свастика. В качестве «мирного» варианта есть памятная монета в 10 евро, выпущенная в Финляндии к 300-летию города на Неве в 2003 году. На её аверсе приведено изображение Карла Маннергейма, который после 1917 г., действительно, мечтал о возвращении в Петербург — путём захвата и подчинения. И если войска под его командованием не обстреливали город, то исключительно потому, что не имели артиллерийских снарядов. Но вся финская военная инфраструктура была передана в распоряжение вермахта. И это не мешало финнам простреливать «Дорогу жизни» с гуманитарными грузами в блокированный ими Ленинград — очевидное военное преступление.

Отметим в данной связи приводимую в книге уникальную схему воздушного налёта люфтваффе на Ленинград 22 июня 1941 г., который, начавшись в Кенигсберге, проходил по воздушному пространству дружественной нацистам Финляндии и вызвал ответный советский удар по самолётам люфтваффе на финских аэродромах тремя днями позднее. Эта схема разбивает утверждения современных фальсификаторов о, якобы, неспровоцированном «ударе 25 июня 1941 г.», который-де, вынудил «беззащитную» Финляндию выступить против СССР на стороне Гитлера. Финско-нацистское военное сотрудничество под руководством Маннергейма началось с 1937 г. и не ограничивалось «визитами дружбы» нацистских вождей, подлодок и боевых самолётов. С середины 1939 г. в Хельсинки на полуофициальных началах действовало подразделение Абвера — так называемое «бюро Целлариуса».

Единственное, что уберегло Маннергейма от участия в Хельсинском судебном процессе в роли обвиняемого — полная капитуляция перед Москвой путём отречения от уже побеждённого Гитлера и показания, в качестве свидетеля, против своих ближайших сподвижников по правительству. Как отмечается в книге, Москва добилась от президента Маннергейма всего, чего добивалась с конца 1930-х годов: нейтральный статус, договор о взаимопомощи, решение вопроса о государственной границе. Узнав же о пре-

ступлениях подчинённых Маннергейма, финны отреклись от него, и он был вынужден сложить полномочия главы государства через несколько месяцев после их обретения.

Как видно, реальный маршал Маннергейм сильно отличался от того образа, который ему сегодня пытаются создать. Имидж «русофила», тоскующего по «России, которую мы потеряли», не имеет под собой никакой фактической базы. Не был Маннергейм милостивым миротворцем ни для Советского Союза, ни даже для Финляндии, которую трижды вовлёк в войну против СССР — ни одно государство в мире столько не воевало против нас в XX веке. Несмотря на своё колоссальное влияние на финскую внешнюю и оборонную политику, его курс не был единственным. Куда более значимой и конструктивной для двух стран была линия президентов Паасикиви-Кекконена на добрососедские отношения с великим восточным соседом. Поэтому «политически прагматичное» почитание Маннергейма не только не оправдано историческими фактами, но и является кощунством по отношению к памяти сотен тысяч людей, погибших от голода и болезней в блокадном Ленинграде и оккупированной финнами Карелии. А с недавнего времени «прагматичная» память о северо-западном агрессоре подпадает и под уголовную статью. Ведь, как справедливо отмечает историк Егор Яковлев, ревизия Маннергейма сегодня — это оправдание власовцев и Гитлера завтра.

Книга профессора Барышникова позволяет заполнить многие лакуны отечественной историографии, представляя аргументированный взгляд на события российской и финской истории первой половины XX века. Труд «Маннергейм и Советский Союз» в совокупности с другими документальными публикациями последних лет о предыстории Второй мировой войны поможет выработать российским научному сообществу и широкой публике свой собственный, объективный взгляд на события тех лет и ответить на вопрос о роли в них политика Карла Маннергейма.